

Сергей Саканский
AVE MEDIA

**СМЕРТЬ
ПОЭТА**

*Месть Хина Меннерса
Смерть поэта*

Ave Media

Сергей Саканский
Смерть поэта

«Автор»

2008

Саканский С. Ю.

Смерть поэта / С. Ю. Саканский — «Автор», 2008 — (Ave Media)

Динамично и остро написанная, серия «Ave Media» может привлечь не только искушенных читателей, ценящих изысканный стиль и интеллектуальную игру, но и тех, кого интересует прежде всего занимательность. Близкой аналогии «Ave Media» в литературе нет, но некоторые аспекты разрабатывались достаточно давно. Критики говорят о структурировании автором нового жанра, и слово «авемедия» уже стало в их обиходе нарицательным. Почему речь идет именно о жанре? Дело в том, что только в этой книге в одном потоке объединены три различных «авемедийных» темы, что прежде стояло особняком у авторов – классических и современных: (1) историческая, апокрифическая; (2) литературная, театральная, кинематографическая; (3) Альтернативная реальность, антиутопия. Все события и персонажи серии вымышлены и любые совпадения с реальностью случайны.

© Саканский С. Ю., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Месть Хина Меннерса	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Саканский

Смерть поэта

Месть Хи́на Меннерса

*Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала.
Где же теперь твой голос и тело?
Может ли быть, что ты умерла?*

Николай Гумилев, «Заблудившийся трамвай», март, 1920

В смерти своего отца Хин Меннерс винил не только Лонгрена, но и самого себя.

В тот день, один из дней норда, когда серая, ясно видимая струя ветра полосовала окрестность, он заметил, что отцовская лодка бьется под мостками о сваи, ломая борта. Шторм начался недавно, и отец забыл вывести лодку на песок, как это сделали все. Хин, будучи тогда двенадцати лет от роду, решил справиться сам: он не раз видел, как рыбаки вытаскивают лодки на берег, но внезапный страх остановил его. Он заметил человека на краю мола и подумал было обратиться за помощью к нему, но это оказался Лонгрэн, давний враг отца. Тогда Хин побежал к отцу и сказал, что лодка бьется о сваи и отец, пытаясь пригнать лодку, ошибся в каком-то одном движении, что стоило ему жизни: лодку унесло в штормовое море, а Лонгрэн, враг его, не протянул руки. Нет, Хин никогда не простит себе этого: ведь он видел тогда Лонгрена, он знал, что Лонгрэн враг, он не должен был оставлять их одних на штормовом берегу...

Вот как жестоко был наказан отец за какую-то старую обиду, и все было бы шито-крыто, если бы его, разбитого о борта лодки, уже обезумевшего, не подобрал рейсовый пароход. Умирая, старый Меннерс рассказал, как молчал на краю пирса Лонгрэн, молчал, курил и *стоял* – неподвижно, строго и тихо, словно судья. Жители Каперны, люди вполне мирные, были поражены холодной жестокостью Лонгрена: с того дня и он, и его отродье стали чужими в деревне.

Несчастье, поразившее мальчика столь внезапно, отказывалось полностью закрепиться в его жизни, и Хину часто снилось, что отец жив, ходит по дому, ищет очки, обшаривая руками самые темные слепые углы, и вдруг хлопает себя по лбу, там же, на лбу, и находит свои убежавшие очки, и ругает себя старым, ругает больным... Просыпаясь, Хин сперва недоумевал, почему отец, как обычно, не разбудил его сегодня, щекоча бородой щеку, и только через несколько секунд вспоминал, что отца больше нет.

Всю свою жизнь, сколько он себя помнил, Хин Меннерс провел в лавке отца, которая теперь, со всем ее имуществом, равно как и работой (а также с долгами, мелкой контрабандой, рэкетом) – перешла к нему.

Считать и писать он выучился еще лет к пяти, позже выучился и читать. С одной стороны, это был мальчик, единственным дельным занятием в жизни признающий какую угодно игру, с другой – лавочник, как сказали бы в наше время – бизнесмен, чьей святой обязанностью было привлечь, обслужить, а то и запутать клиента. Недоросли Каперны, прежде над ним потешавшиеся, теперь, благодаря внушению родителей, стали относиться к нему уважительно, да и не было больше у Хи́на времени возиться с другими в белой пыли деревенской улицы, да и школу он бросил... Хозяйки, большей частью неграмотные, с почтением смотрели, как маленький Меннерс, шевеля губами, считает над конторкой их деньги, записывает, слюнявя химический карандаш, в специальную книгу их долги...

В день смерти отца, не так, как это обычно бывает с другими – плавно, будто спускаешься по отмели, но внезапно, будто оступился и угодил в подводную яму, – закончилось для Хи́на

Меннерса детство. В день смерти отца Меннерс поклялся сполна рассчитаться с Лонгренем, когда придет этому черед.

* * *

Прошел год, затем другой и третий, Хин вытянулся и окреп. Ему уже не было нужды нанимать Филиппа, местного угольщика, на разгрузку мелкооптовых партий товара: он и сам мог ворочать двухпудовые тюки. С годами рос и менялся план его кровной мести. Застрелить Лонгрена из-за угла никогда не казалось достойным ответом: Хину мерещился честный поединок...

Со временем его отроческий пыл несколько поутих. Лонгрен не был достоин таких славных почестей. Это был старый моряк, списанный с флота за воровство или даже убийство. Нельзя было с уверенностью сказать, что судно, откуда его прогнали, не выступало под черным флагом пиратов. Всеобщая настороженность к Лонгрену была столь велика, что в народе ходили слухи, будто бы он, где-то на островах, после кораблекрушения ел человеческое мясо... Это была темная личность, никто ничего толком о нем не знал...

Ни Лонгрен, ни его покойная жена не были коренными жителями Каперны: он прибыл откуда-то с севера, привезя на возке внушительный кованый сундук с добром и беременную Мери. Купив ветхую лачугу на окраине, он сразу ушел в плавание, а жена разрешилась девочкой. Было ясно, что муж оставил не слишком много денег, поскольку вскоре женщина стала побираться по соседям. Она и в отцовскую лавку заходила, но старый Меннерс, строгий в денежных делах, не мог поверить на слово пришлому человеку и в займе отказал. Не в этом ли заключалась обида Лонгрена? Не за это ли Лонгрен приговорил старика к смерти?

Так или иначе, но Мери отправилась в Лисс, чтобы заложить обручальное кольцо. По дороге она попала под дождь, схватила пневмонию и через несколько дней умерла.

Что ж! Если бы лавочник одолжил тогда денег этой женщине, она бы, может быть, осталась жива. До следующего подобного случая. И если бы Лонгрен кинул отцу чалку, когда тот погибал в штормовом море...

Эту цепочку виновности можно выстроить и в прямом порядке: человек, неспособный прокормить семью, обрекает жену на нищенство...

Почему погиб Меннерс? Потому что Лонгрен не протянул ему руки. Почему Лонгрен не протянул руки тонущему человеку? Потому что тот не дал денег его жене. Почему жена Лонгрена просила денег? Потому что у нее их не было. И почему же? Потому что Лонгрен не заработал денег для собственной семьи. И, в конце этой цепочки виновности, тот же Лонгрен стоит на краю мола со своей значительной трубкой в зубах и судит, судит... Судит – *кого?*

Старый Меннерс родился в семье рыбака, как и все в Каперне, за исключением врача и священника, и начал свое дело таким же юнцом, каким был сейчас Хин. Тогда в Каперне не было местной торговли, и рыбаки жили от улова до улова. В дни норда, когда море не позволяло выйти на промысел, они сидели дома и, чтобы не было столь голодно, пили горькую. В подвале своего дома Меннерс оборудовал большой ледник, где научился хранить рыбу, скупая по дешевке в лучшие времена, дабы реализовать ее во времена худшие – тем же самым рыбакам. Это было простое решение, до такого додуматься мог бы каждый, но... Додумался только один. Уже через год он открыл лавку, а затем и трактир, став единственным и бессменным кормильцем селения. Теперь уже никому не надо было тащиться в Лисс три часа по жаре или холоду, из-за каких-нибудь спичек или ниток, да и товары в лавке Меннерса были дешевле, чем в столице, так как покупал он их на оптовом рынке.

Все это так, но лавочник – уже по определению – отрицательный персонаж, в то время как матрос, с его пресловутой трубкой во рту – герой положительный. Лавочника даже и зовут как-то убого и тихо – *Меннерс*, в то время как матроса зовут глубоко и весомо – *Лонгрен*. С

сильным, ударным звуком «о»... Все это – несмотря на то, что Лонгрэн, дожив до седины, будучи не в состоянии даже заработать себе на жизнь, казнит Меннерса, казнит и судит собственным правым судом, – за то, что Меннерс не поступился принципами, а именно: не дал в долг человеку, с которого и спросить-то в качестве залога нечего... Если бы старый Меннерс всегда подавал в таких случаях, то не нажил бы никакого состояния, с того самого дня, когда к нему в ледник пришел какой-то голодный мальчик и попросил рыбки – просто так, рыбки и все!

Станным, правда, было то, что покойная жена Лонгрэна, Мери, поперлась ненастной погодой в город, *закладывать кольцо*, хотя она преспокойно могла бы заложить это кольцо у самого Меннерса. Будто бы какому-то злобному автору, который пишет всю эту жизнь, непременно было надо, чтобы Мери простудилась и умерла. Убить, убить ее – только для того, чтобы склеить сюжет своей книжки!

Так рассуждал Хин, когда окончательный план мести уже сложился в его голове.

Нет, Лонгрэн не был достоин честной игры. Оглушить его, связать, бросить в лодку и отправить по воле волн – в таком случае, Лонгрэн переживет весь тот ужас, который пережил перед смертью отец, но как заставить его пережить то, что Хин пережил сам, оставшись один во враждебном мире, лишившись любви и заботы единственного родного человека на земле?

Порой поздно вечером, когда никто не мог его видеть, Хин ходил на берег, швырял камни в ненавистное море, и плевал в море, и плакал. Оттуда было хорошо видно лачугу Лонгрэна и свет в его окне, и даже видна была тень Лонгрэна, склонявшегося над столом, когда он мастерила свои деревянные корабли, а в углу, вероятно, также в самодельной деревянной кровати, мирно спало его отродье, и ничто не нарушало этой идиллии.

Море, убившее отца, и Лонгрэн, убивший отца – пейзаж ненависти, который надо было иметь перед глазами, чтобы решиться на то, на что должен был решиться Хин Меннерс, последний из рода Меннерсов, обнищавшего рода немецких рыцарей, вся честь и бывшее великолепие которого сконцентрировались теперь здесь, в изгнание, в этой Богом забытой стране, в образе маленького Хина, деревенского лавочника... Жестокая и ясная логика древних традиций – неизбежных традиций кровной мести и кровной вражды – подсказывала единственно возможный путь:

– Ты отнял у меня моего отца, я же отниму у тебя – твою дочь!

* * *

Это случилось с ним на шестнадцатом году жизни, и определило всю его дальнейшую жизнь.

Хин шел лесной дорогой в Лисс. Было раннее летнее утро, когда слепни и оводы еще не вылетели на свою звонкую охоту за кровью: чаща была полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, Хин шел пустой, обремененный лишь небольшим кожаным кошельком – обратно он намеревался вернуться с двумя подводами товара... И вдруг у ручья, пересекавшего дорогу, он издали увидел розовый, в крупную зеленую полоску сарафан, и с отвращением узнал дочь Лонгрэна, или *отродье*, как он про себя ее называл.

Сердце Хина отчаянно забилося, на лбу выступил холодный пот.

– Теперь или никогда! – сказал он себе.

Хин выхватил финку, сделал несколько выпадов, ногтем проверил остроту лезвия и опустил готовое оружие в кожаные ножны за голенищем сапога. Маленькая Ассоль как раз склонилась над ручьем, запуская на воду дурацкое белое суденышко с красными парусами, одно из тех, которые Лонгрэн довольно грубо вырезал из дерева для денег, с тяжелой торбой гоняя девочку в город – сдавать изделия в дешевую игрушечную лавку. Он был верен себе, этот Лонгрэн: портовый Лисс, полный мореманов со всех краев земли, сутенеров с сучками, воров, шулеров и прочей неизбежной для морского города швали, был опасен, очень опасен для под-

растающей девочки... Хин замер за кустами в трех шагах от ручья, пораженный внезапной мыслью... Так ли любит Лонгрен свою дочь, как это кажется с первого взгляда? Может быть, дочь для него – всего лишь обуза, лишний прожорливый рот, и удар финского ножа, так тонко рассчитанный, уйдет впустую?

– *Есть только один способ проверить это*, – сказал себе Хин и снова вытащил финку на свет, блеснувшую, словно рыбка на крючке.

В этот момент девочка вскрикнула, прижав кулачки к груди, потому что деревянная яхта, пойманная течением ручья, вышла на середину и понеслась вниз. Перепуганная Ассоль побежала по берегу, волоча сквозь кусты свою жалкую торбу.

Хин перевел дух. Преследовать жертву надо было осторожно, чтобы она не услышала его шороха и треска. Он собрался напасть сзади и быстро покончить с нею одним ударом в шею. Он был уверен, что не сможет совершить задуманного, если увидит глаза девочки, и решил настичь ее на какой-нибудь поляне, где можно было бы мягко, как кошка, пробежать по разнотравью несколько последних шагов.

И они двинулись через чащу: девочка за парусами, мальчик за девочкой, выстраивая в пространстве извилистую цепочку, смысл которой был ясен лишь тому, кто представлял ее последнее звено.

Дикий девственный лес являл довольно препятствий: мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник и боярышник мешали на каждом шагу; одолевая их, они оба постепенно теряли силы, останавливаясь все чаще и чаще, чтобы отдышаться или смахнуть с лица липкую паутину. Хин никогда еще не бывал так глубоко в лесу. Раз он оглянулся, и лесная громада с ее пестротой, переходящей от дымных столбов света к темным раселинам дремучего сумрака, глубоко поразила мальчика. На мгновение оробев, он вспомнил вновь о своей цели и, несколько раз выпустив глубокое «ф-фу-у-у», побежал изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, безоблачное небо, край желтого песчаного обрыва и устье ручья... Это было удобное, наконец, место, но, разорвав кусты цветущего жасмина, Хин увидел, что Ассоль уже была не одна.

У ручья, на плоском большом камне сидел человек, старый и праздный, задумчиво пропуская бороду в большой жилистой горсти. Он поймал убежавшую яхту и недоуменно вертел ее в руках. Тут и явилась перед ним запыхавшаяся Ассоль.

Хин не слышал, о чем они говорили, но говорил старик довольно долго. Кончив, он вручил девочке ее несчастную модель, затем встал, отряхнулся и медленно зашагал по морскому берегу прочь. Ассоль осталась одна.

Странный незнакомец не заметил Хина, прятавшегося в чаще. Чужие редко забредали в наши места и было ясно, что его уже видели, а значит то, что должно было случиться, автоматически будет свалено на него, прохожего.

Хин прокрался поближе, остановившись, надежно скрытый листвой, шагах в пяти от узкой сгорбленной спины в полосатом, зелено-розовом сарафане. Девочка стояла с моделью в руках, держа ее, словно ребенка, и, казалось, пребывала в глубокой задумчивости. Вдруг, услышав шорох, она оглянулась...

И тут Хин замер, чувствуя, как непроизвольно раскрывается его собственный рот. Никогда прежде он не видел так близко ее лица. Полудетское, в светлом загаре, оно было подвижно и выразительно; прекрасные, несколько серьезные для ее возраста глаза посматривали с робкой сосредоточенностью глубоких душ. Ее неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, конечно, нашли бы место в множестве женских обликов, но их совокупность, стиль – был совершенно оригинален – оригинально мил... Эти и многие другие слова сразу пришли ему в голову...

Хин как будто взлетел над поляной и увидел себя сверху. Он показался себе отвратительным, чем-то паукообразным, опутывающим скользкими нитями золотистую мушку, чтобы пронзить ее мерзкой иглой... Что-то происходило в его душе – незнакомое, новое, будто приступ неизвестной болезни... Он повернулся и побежал сквозь чашу, и ветки до крови хлестали его по лицу.

* * *

Через несколько дней Хин узнал, кем был тот чудной прохожий, подобравший красно-парусную яхту, и *что* он рассказал Ассоль. Это был Эгль, старый бездельник и пьяница, который, чтобы пустить людям пыль в глаза, называл себя ученым-филологом, или *любословом*, а на самом деле был обыкновенным нищим. Путешествуя пешком от селения к селению, он «собирал» песни, легенды и сказки. Правда, никто не видел его «собраний» в качестве, скажем, какой-то изданной книжки, и, в конечном счете, Эгль лишь выслушивал истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества – эти грязные, как немытые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом, переносил из селения в селение сплетни, да угощался всюду на дармовщину ароматической водкой, которую очень любил. Справедливости ради, скажем, что появление Эгля с его непревзойденной лучистой бородой, огромной соломенной шляпой и поясом, унизанным фальшивым серебром блях, представляло редкое в деревнях зрелище, за которое стоило хоть немного заплатить, ибо все в этом мире стоит хоть каких-нибудь, да денег. Словом, не даром ел свой хлеб и пил свою водку этот ловкий человек.

Подвыпивший Эгль рассказал доверчивой Ассоль притчу о ней самой, придуманную сходу, спяну на том же месте. Вертя в руках яхту с красными парусами, поставленными Лонгреном, похоже, от недостатка материи, Эгль, представившись самым главным волшебником, и, похоже, сам в эту минуту галлюцинирующий, как часто бывает с такими несерьезными людьми, сказал, что однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус и за ней, за Ассолью, придет корабль, ведомый прекрасным принцем...

– *Он посадит тебя в лодку, привезет на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце, и где звезды спустятся с небес, чтобы поздравить тебя с приездом.*

Более того, прибежав домой, девочка захлеб рассказала об этом отцу, и Лонгрен, другой опасный дурак, важно подтвердил слова Эгля.

Словом, оба старика, не сговариваясь, совершили одну и ту же ошибку, сообщая заронив в душу ребенка зерна будущего безумия. По идее, Ассоль должна была сойти с ума в старых девах, ожидая у моря погоды. Нищий, случайно подслушавший ее разговор с отцом, разболтал о красных парусах всей округе, и девочка, после известных событий и без того униженная, подверглась теперь настоящей травле:

– *Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!* – кричали теперь недоросли, едва заведя ее на улице.

Что же, в сущности, произошло? Откуда взялись эти красные паруса? Несмотря на пророчество Эгля, причинная цепочка выстраивалась именно от Лонгрена: ведь не сделай он из обрывков шелка, употреблявшегося в моделях для оклейки кают, красные паруса, в больном воображении Эгля никогда бы не родилась эта феерическая фантазия.

А что же Хин Меннерс? На его долю выпала роль самого несчастного героя этой истории...

В тот день он не дошел до города, а на подгибающихся ногах вернулся домой, весь изодранный о колючие кусты. Ничего еще не зная о красных парусах, он знал лишь то, что волею

судьбы едва ли не стал человекоубийцей, и еще он знал то, что отныне и навсегда беспamięтно влюблен в эту девочку.

Все произошло там, на устье ручья, когда из кустов он смотрел на Ассоль, чье лицо цвело под знаком только что узнанной новости, когда сам себе он показался отвратительным пауком...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.